

Зарубежный опыт правового регулирования общественных отношений в сфере защиты репутации публичного лица

Шабанов М. Х.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

E-mail: mkhshabanov@hse.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена сравнительному анализу зарубежных моделей правового регулирования репутации публичных лиц в условиях развития цифровых технологий и противоречивой судебной практики. Центральная проблема исследования — отсутствие единого подхода к балансу между свободой слова и защитой репутации. На примере англо-американской, континентальной и китайской правовых традиций выявляются различные механизмы установления этого баланса, с особым вниманием к роли цифровых платформ и судебных прецедентов.

Методология и материалы. В основу работы положен сравнительно-правовой анализ законодательства и правоприменительной практики США, Великобритании, Германии, Франции и Китая. Исследование охватывает ключевые нормативные акты (Первую поправку к Конституции США, Закон о клевете 2013 г. Великобритании, NetzDG и др.), знаковые судебные решения (New York Times vs Sullivan, дела Caroline von Hannover, практика ЕСПЧ) и специфические регуляторные меры КНР. Теоретической основой выступили доктрины баланса прав, «общественного интереса» и статуса «публичной фигуры».

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование показало, что англо-американская модель, основанная на стандарте actual malice и мерах против SLAPP-исков, максимально защищает свободу выражения. Континентальная Европа демонстрирует смешанный подход с элементами уголовной ответственности и влиянием практики ЕСПЧ. Китайская система подчиняет защиту репутации интересам государства и общества, используя широкие инструменты цензуры. На основе выявленных различий предложены меры для цифровой среды: повышение прозрачности алгоритмов, развитие медиаграмотности и создание упрощенных процедур для онлайн-споров.

Выводы. Практическая значимость работы заключается в выработке ориентиров для совершенствования национального регулирования: установление четких критериев вреда, обеспечение процессуальной эффективности в онлайн-спорах и создание механизмов, предотвращающих злоупотребление цензурой. Перспективным направлением признается интеграция лучших практик для достижения устойчивого баланса между свободой слова и защитой репутации.

Ключевые слова: публичное лицо, репутация, защита чести, достоинства и деловой репутации, клевета, зарубежный опыт, правовое регулирование.

Для цитирования: Шабанов М. Х. Зарубежный опыт правового регулирования общественных отношений в сфере защиты репутации публичного лица // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 115–127. EDN: LLIURZ

Foreign Experience of Legal Regulation of Public Relations in The Field of Public Person's Reputation

Shabanov M. Kh.

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

E-mail: mkhshabanov@hse.ru

Abstract

Introduction. The article presents a comparative analysis of foreign models of legal regulation for the reputation of public figures in the context of digital technology development and contradictory judicial practice. The central research problem is the lack of a unified approach to balancing freedom of speech and reputation protection. Using the examples of Anglo-American, Continental European, and Chinese legal traditions, the study identifies various mechanisms for establishing this balance, with particular attention paid to the role of digital platforms and judicial precedents.

Methodology and materials. The research is based on a comparative legal analysis of legislation and law enforcement practices in the United States, Great Britain, Germany, France, and China. The study covers key regulatory acts (the First Amendment to the U.S. Constitution, the UK Defamation Act 2013, the German NetzDG, etc.), landmark court decisions (New York Times v. Sullivan, Caroline von Hannover cases, ECHR jurisprudence), and specific regulatory measures of the People's Republic of China. The theoretical framework incorporates the doctrines of balancing rights, "public interest," and the "public figure" status.

Results and Discussion. The study reveals that the Anglo-American model, based on the actual malice standard and measures against SLAPPs, provides the strongest protection for freedom of expression. Continental Europe demonstrates a mixed approach with elements of criminal liability and the influence of ECHR practice. The Chinese system subordinates reputation protection to the interests of the state and society, employing extensive censorship tools. Based on the identified differences, measures for the digital environment are proposed: increasing algorithm transparency, promoting media literacy, and establishing simplified procedures for online disputes.

Conclusion. The practical significance of the work lies in developing guidelines for improving national regulation: establishing clear criteria for harm, ensuring procedural efficiency in online disputes, and creating mechanisms to prevent the abuse of censorship. The integration of best practices is recognized as a promising direction for achieving a sustainable balance between freedom of speech and reputation protection.

Keywords: public figure, reputation, protection of honor, dignity and business reputation, slander, foreign experience, legal regulation.

For citation: Shabanov, M. Kh. (2025) Foreign Experience of Legal Regulation of Public Relations in The Field of Public Person's Reputation. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 115–127. (In Russ.)

Введение

Развитие цифровых коммуникаций обострило проблему защиты репутации публичных лиц при отсутствии согласованных правовых механизмов. В России рост числа соответствующих споров сочетается с отсутствием единой судебной практики и легального понятия диффамации, что создает правовую неопределенность.

Сравнительный анализ зарубежного опыта позволяет выявить различные подходы к балансу между свободой выражения и защитой репутации. Исходная гипотеза исследования заключается в отсутствии универсального подхода к данному вопросу. В рамках работы проверяются следующие предположения:

1. Англо-американские системы устанавливают повышенные доказательственные требования к публичным истцам, тогда как континентальное право чаще предусматривает усиленную защиту и уголовную ответственность за диффамацию.
2. Китайская модель рассматривает репутацию власти как элемент общественного интереса, ограничивая критику через архитектуру информационной среды.
3. Прямое заимствование зарубежных моделей без адаптации к российским конституционным стандартам приведет к дисфункциям правовой системы.

Методология и материалы

В основе исследования лежат сравнительно-правовой и формально-юридический методы, доктринальный анализ, а также контент-анализ прецедентов высших судов англо-американской и европейской систем права.

Анализ зарубежного опыта проводится на примере следующих стран:

- США: мировой лидер в защите свободы слова (Первая поправка к Конституции);
- Великобритания: родитель юрисдикции с исторически сложившейся концепцией клеветы;
- Германия: интересна опытом регулирования выражений в соцсетях (закон NetzDG);
- Франция: характерен двойной стандарт для публичных и частных лиц и жесткое регулирование клеветы;
- Китай: специфика заключается в интеграции правового регулирования с контролем над общественным мнением и медиа.

Результаты исследования и обсуждение

Институт репутации, исторически сложившийся в странах Запада, прежде всего в Великобритании и США, отражает особенность англо-американского подхода к пониманию репутации, которая составляет следующую триаду:

- репутация как собственность;
- репутация как честь;
- репутация как достоинство.

В основе толкования англо-саксонского подхода репутации лежит концепция Goodwill, суть которой заключается в материально выраженной ценности репутации, так как она является формой капитала и создает возможности экономического роста и благосостояния¹. Возникшая в середине XV в. концепция гудвилл впервые описана в работах флорентийского математика Лука Пачоли («Трактат о счетах и записях»)², который описывает ее как нематериальный актив, формирующий разницу между ценой приобретения актива и его реальной стоимостью³.

Английское диффамационное право выделяет две категории привилегий: абсолютные и относительные.

Абсолютная привилегия дает полную защиту от любых исков по диффамации. К абсолютной относят заявления, сделанные в парламенте или под присягой в суде. Ярким примером относительной привилегии являются заявления работодателя перед сотрудниками по вопросам производительности предпри-

¹ Абакумова Е. Б., Комиссаров А. В., Тарасов Д. Ю. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 148–154. DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154

² Пачоли Л. Трактат XI о счетах и записях // Страницы венецианского издания книги Лука Пачоли, 1494 г.

³ Тарасевич К. А. История эволюции понятия «деловая репутация» // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 95–100.

ятия. Относительная привилегия позволяет защищать высказывания в контексте выполнения профессиональных обязанностей или обсуждения вопросов, имеющих законный интерес. Это означает, что работодатели могут делать заявления, которые могут показаться оскорбительными, но защищаются в силу их контекста и цели — если они сделаны без злого умысла и служат законным интересам организации.

Обоснование абсолютного преимущества оказывается более сложным и отражает черты, присущие общему праву Англии. Данное право, разработанное для защиты интересов и прав представителей «высшего общества», имеет свои особенности⁴.

Абсолютное преимущество (concept of absolute advantage) как экономический термин разработан Адамом Смитом, который рассматривал способность страны или лица производить определенный товар или услугу более эффективно (с меньшими затратами) по сравнению с другими. Хотя концепция кажется интуитивно понятной, сложность ее обоснования кроется в историческом контексте, на который влияла и правовая система. Английское общее право часто поддерживало существующую иерархию, где более сильные и эффективные стороны (будь то классы или страны) получали больше возможностей для реализации своих преимуществ. Экономическая концепция абсолютного преимущества могла быть воспринята как естественное следствие «порядка вещей», где у более сильного есть право доминировать.

Однако критики подчеркивают, что концепция абсолютного преимущества слишком упрощенно рассматривает конкурентные отношения. В глобальном масштабе очевидно, что естественные «умения» или «преимущества» стран могут быть значительно больше связаны с историческими, политическими и правовыми факторами, а не просто с экономическими способностями их населения. Кроме того, правовые системы, такие как общее право Англии, способствовали концентрации ресурсов в руках элит, что усиливало экономический и социальный дисбаланс между разными слоями общества и закрепляло существующее социальное неравенство.

Обоснование абсолютного преимущества действительно связано не только с экономическими, но и с правовыми, а также социальными факторами, особенно в историческом контексте таких сверхдержав, как Англия. Общеправовая система, ориентированная на защиту интересов элит, могла использовать идеи, схожие по духу с теорией абсолютного преимущества, чтобы оправдывать неравенство политического и экономического взаимодействия между странами и классами.

Рассматривая категорию привилегий, необходимо подчеркнуть различные подходы американских и английских судов в вопросах рассмотрения исков, в частности, со стороны политических деятелей, должностных лиц органов публичной власти, а также иных публичных лиц (крупных бизнесменов, общественных деятелей, военных лидеров и представителей фриланса). Первым камнем преткновения в этом вопросе стало дело *New York Times Co. v. Sullivan*, фабула которого заключалась в распространении со стороны газеты недостоверных сведений по отношению к полиции города Монтгомери о жестоком подавлении гражданских протестов⁵.

Верховный Суд США в своем решении определил иск полицейских как иск общественного деятеля (public figure), который должен был доказать факт причинения вреда репутации городской полиции согласно принципу actual malice и определить вероятную ложность⁶. Безусловно, названное дело совершило революцию не только в истории американского права, но и в целом англо-саксонского (прецедентного) права, так как определило на долгие годы право на свободу слова в качестве высшей и неприкасаемой категории, противопоставить которому иное право будет проблематично. Однако какова правовая природа и справедливость подобного решения, если защита репутации также является фундаментальным правом, закрепленным в Конституции США⁷?

⁴ Холоденко Ю., Маргольц М. Е. Защита чести, достоинства и деловой репутации по американскому праву // Юрислингвистика. 2016. № 5 (16). С. 72–79. DOI: 10.14258/leglin(2016)507

⁵ *New York Times Co. v. Sullivan*. Decision of March 9, 1964 376 U.S. 254ast // Justia. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/254/> (дата обращения: 05.09.2024).

⁶ Абакумова Е. Б., Комиссаров А. В., Тарасов Д. Ю. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 148–154. DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154.

⁷ Конституция США 1787 г. // Режим доступа: <https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf> (дата обращения: 05.09.2024).

Верховный Суд США избрал иной вариант, который установил две нерушимые истины, предопределившие облик США на долгие годы как страны с абсолютным, но не всегда обоснованным правом на свободу слова.

Во-первых, органы публичной власти (правительство, органы правопорядка, легислатуры штатов и др.) и их представители обладают иным видом репутации, правовая природа и характер общественной значимости которой намного шире и объемнее, нежели у физических и юридических лиц. В связи с этим теория американского прецедентного права установила, что субъекты, обладающие репутацией публичной власти, обязаны претерпевать возникшее давление в силу своей известности, определенной значимости и естественной реакции общества на те или иные события.

Во-вторых, судебные процессы по защите репутации публичных лиц предопределили «доказательственную презумпцию», то есть предположение, которое может считаться достоверным, пока не будет доказано обратное. Публичному лицу необходимо доказать, что у ответчика были злые намерения или что он осознал и допускал возможность такого поведения.

Причем в ходе рассмотрения подобной категории дел суд, как правило, предъявляет повышенные требования к доказательствам публичных лиц, поскольку те находятся в заведомо сильной и лучшей позиции, имея нередко административный, финансовый, общественно-массовый и иной ресурс. Отсутствие вышеназванных доказательств со стороны органов публичной власти или должностных лиц будет трактоваться судом в пользу ответчика. Подтверждением сказанного может послужить дело *Paul v. Davis* от 1976 г.⁸, в результате рассмотрения которого Верховный Суд⁹ сформулировал принцип, согласно которому «репутация сама по себе не является конституционно защищаемым интересом» и не попадает под защиту XIV поправки к Конституции США (равенство всех граждан перед судом и законом).

Упомянутые дела перевернули представление о балансе между защитой репутации и свободой выражения мнений, а также подход к защите прав и законных интересов в этих сферах, не только в судебной практике, но и в науке американского публичного права. В современной судебной практике США иски от публичных лиц достаточно редкое явление: несмотря на нападки со стороны общества, многие из них не спешат подавать иски, так как вероятность выигрыша невысока.

Таким образом, несмотря на большую схожесть английского и американского права в части правового регулирования общественных отношений в контексте репутации публичного лица, между ними существует детальное различие.

Одним из обстоятельств, на которые американские суды обращают особое внимание, является общественный интерес: подпадают ли распространенные сведения под его сферу или нет. Такой аргумент достаточно размыт и противоречит основополагающим принципам судопроизводства, а именно беспристрастности и равенства сторон, так как дает право суду трактовать то или иное дело в сугубо эмоционально-личностных категориях. С другой стороны, англо-саксонская судебная система неоднородна, что позволяет судам в различных ситуациях по-своему интерпретировать законы, используя доктрину права и формируя правовые нормы, которые нередко противоречат общим конституционным положениям.

Определенную попытку по реформированию американского подхода в сфере защиты репутации предпринимал президент США Дональд Трамп, который является известным критиком современного диффамационного законодательства: он высказывал недовольство тем, как оно применяется в отношении СМИ и публичных лиц.

Начиная с 2016 г. большое количество американских медиа обвиняли кандидата в президенты, а позже и президента Дональда Трампа в политических связях с Россией, представляли соответствующие отчеты действующему на тот момент президенту США Барак Обама и публиковали информацию в СМИ.

Несмотря на отсутствие каких-либо доказательств, улики, записей диктофона о названных связях и переговорах, аргументация журналистов сводилась к тому, что публикуемая информация имеет об-

⁸ *Paul v. Davis*. Decision of March 9, 1964. 376 U.S. 254ast // Justia. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/424/693/> (дата обращения: 05.09.2024).

⁹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

щественную значимость. Безусловно, подобная практика пагубно повлияла на политические рейтинги самого Трампа и выявила всю проблематику законодательства в секторе правового регулирования общественных отношений в сфере репутации, а именно способов ее защиты. В это же время администрация Трампа разработала предложения по реформированию законодательства в данной части¹⁰. Предполагалось, что внесение соответствующих изменений позволит, во-первых, определенным категориям граждан обращаться в суд с целью исключения материалов, порочащих или наносящих иной вред их репутации, а также добиваться в подобных ситуациях денежного возмещения. Во-вторых, это позволило бы судам рассматривать дело по существу, не прибегая к принципам повышенного интереса и обязанности лица претерпевать критику.

Однако разработанный проект реформы не был вынесен на рассмотрение в Конгресс, поскольку рассмотрение названного вопроса является частью общего деликтного права, которое находится в исключительном ведении штатов. В случае принятия законодательством всех штатов проекта законодательства о диффамации процесс распространения его на федеральный уровень потребовал бы внесения изменений в Конституцию США в виде соответствующей поправки, что в лучших традициях американского конституционализма практически невозможно. Невелика вероятность принятия Верховным Судом нового прецедента, так как суд будет трактовать рассматриваемый акт как нарушающий принцип разделения властей, распределение полномочий между федерацией и ее штатами, а также ограничение свободы слова в стране.

Обвинение в подстрекательстве к мятежу в 2021 г. после проведения президентских выборов в США, попытка начать процедуру импичмента, а также начавшаяся так называемая политика социальной отмены в отношении уже бывшего президента Дональда Трампа наглядно показали, что лица, обладающие публичной репутацией в силу занимаемой должности, общественно-политической значимости и известности, всё чаще оказываются в ситуации, когда они не способны защитить собственные права и интересы, которые гарантированы им Конституцией. Это объясняется тем, что до сих пор не были предоставлены доказательства или сведения, подтверждающие причастность Трампа к событиям 2021 г.

Как ранее было сказано, характерной чертой англо-саксонского права является определение репутации как собственности и одновременно нематериального актива, причинение вреда которому влечет материально-выраженное бремя. Тем не менее конституционно-правовые основы защиты репутации публичного лица отличаются в странах названной правовой семьи. Право Великобритании по своей сути является разнообразным в данном вопросе, поскольку совмещает в себе самостоятельные подходы каждой составной части Соединенного Королевства (английский, шотландский, ирландский), не говоря уже о различиях между США, Австралией и Новой Зеландией.

Современным нормативным актом, регламентирующим вопросы репутации, является Закон о диффамации в Англии и Уэльсе 2013 г.¹¹, положения которого были имплементированы из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹² Нормы закона значительно расширили защиту репутации и выходят за рамки теории абсолютной и относительной привилегии, освобождая истца от обязанности доказывать факт распространения ответчиком сведений, наносящих ущерб его репутации. Как отмечал С. А. Беляцкий в своих работах, посвященных анализу судебной системы Англии в 1920-е гг., судебная система Англии тех лет характеризовалась высоким уровнем решений, которые выносились в пользу возмещения за причиненный моральный вред, причем не только в отношении физических и юридических лиц, но и публичных¹³.

¹⁰ 21 января 2025 г. президент США Дональд Трамп подписал директиву, предписывающую восстановить свободу слова и предотвратить государственную цензуру.

¹¹ Defamation Act 2013 // legislation.gov.uk. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/pdfs/ukpga_20130026_en.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

¹² Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 1950 г. с дополнительными Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 05.09.2024).

¹³ Беляцкий С. А. Частное право в основных принципах: курс гражданского права / Каунас: 1928. 900 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009011919>.

Верховный Суд Великобритании неоднократно заявлял, что в соответствии с вышеназванным законом распространение сведений в какой-либо форме должно наносить ущерб репутации, поскольку только тогда суд сможет признать эти данные порочащими¹⁴. Законодательство Великобритании закрепляет, что возмещение вреда и компенсация морального вреда невозможны в случае отсутствия страданий истца либо отсутствия материального ущерба. Однако, возвращаясь к категории граждан, владеющих абсолютной либо относительной привилегией, необходимо подчеркнуть их возможность на защиту от вреда, причиненного их репутации¹⁵. Английское право определило не только лиц, обладающих абсолютным и относительным иммунитетом, но и информацию, которая не может быть предметом судебного разбирательства.

Известным делом в истории диффамационного права Англии является дело Vladimir Sloutsker vs Olga Romanova 2015 г. Это яркий пример так называемого судебного туризма, когда наиболее заинтересованные в защите своей репутации физические или юридические лица обращаются в благоприятные юрисдикции (например, Великобританию). Высокий суд Лондона определил информацию, распространяемую российской журналисткой Ольгой Романовой в отношении бывшего сенатора РФ Владимира Слуцкера, ложной и наносящей ему вред. Романова заявляла, что Слуцкер поспособствовал возбуждению уголовного дела в отношении ее супруга, оказывая влияние на соответствующие правоохранительные органы России. Безусловно, информация, распространяемая на радиостанции «Эхо Москвы», а также опубликованный материал не были подкреплены доказательствами. Суд квалифицировал это обстоятельство как наносящее вред репутации Владимира Слуцкера и оценил причиненный ущерб в 110 тыс. фунтов стерлингов¹⁶.

Несмотря на характерные признаки общего прецедентного права, вышеуказанный пример позволяет говорить о гибкости английского правосудия в делах по защите репутации публичных лиц и в большей степени индивидуальности каждого рассматриваемого дела, которое зависит от следующих факторов: общественная значимость, участники процесса и финансовая сторона вопроса. Аргументом в пользу последнего выступает правило, согласно которому англо-саксонское право квалифицирует распространение порочащих сведений как преступное деяние и согласно которому возмещение причиненного морального вреда будет формироваться по тарифной спецификации. Для осуществления данной функции в Англии действует специальная комиссия, высчитывающая компенсацию за причиненный моральный вред с учетом фактических обстоятельств дела¹⁷.

Таким образом, основы англо-американского права в области правового регулирования общественных отношений в сфере репутации публичного лица и его защиты выражаются в двух особенностях.

С одной стороны, публичное лицо вынуждено проявлять повышенную терпимость и осознавать свой публично-правовой статус со всеми вытекающими последствиями, причем, как правило, границы между разными публичными лицами практически нет, за исключением общественно-политической важности занимаемой должности и способности влиять на принятие тех или иных решений.

США до 80-х гг. прошлого столетия являлись рекордсменом по количеству исков, поданных состоятельными истцами к своим критикам-недоброжелателям, которые в американском праве называются SLAPP-исками (Strategic Lawsuits Against Public Participation), или заведомо недобросовестными¹⁸. В целях борьбы против подобных исков на 2021 г. в 31 штате США действуют так называемые законы Anti-SLAPP, позволяющие ответчикам направить встречное ходатайство об отклонении ранее поданного иска, а также взыскать с истца компенсацию расходов на юридические услуги в случае принятия судом положительного решения в их пользу¹⁹.

¹⁴ Баганова Ф. К. Развитие законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации на примере Великобритании // Вестник науки. 2023. № 3 (60). С. 137–144.

¹⁵ Указ. соч. С. 139.

¹⁶ Решение Высокого суда Лондона по делу Vladimir Sloutsker vs Olga Romanova [2015] EWHC 545 (QB). URL: https://rapsinews.ru/international_publication/20150724/274264718.html (дата обращения: 05.09.2024).

¹⁷ Перова Н. А. Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4 (19). С. 261–267. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-4-19-261-267

¹⁸ Vining A., Matthews S. Overview of Anti-SLAPP laws // Reporters Committee for Freedom of the Press. Режим доступа: <https://www.rcfp.org/introduction-anti-slapp-guide/> (дата обращения: 05.09.2024).

¹⁹ Абакумова Е. Б., Комиссаров А. В., Тарасов Д. Ю. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 148–154. DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154

С другой стороны, прецедентное право будет выступать в защиту лиц, обладающих публичной репутацией, исходя из общественно-политической и финансовой составляющей рассматриваемого дела. В данном случае необходимо признать особенности прецедентного права, которые дают в известной степени юридическую самостоятельность и гибкость в применении положений закона.

В отличие от единого англо-саксонского подхода законодательство стран континентально-правовой системы не выработало единого способа правового регулирования общественных отношений в сфере репутации публичных лиц.

Одной из концептуальных особенностей таких стран является отсутствие имущественно-выраженной модели репутации в отличие от английского подхода. Так, в Германском гражданском уложении намеренно не перечисляются интересы, защищаемые законом, за которые могла бы наступить потенциальная имущественная ответственность, поскольку распространение сведений, наносящих вред репутации, имеет тонкую грань между уголовно-правовой и материально-правовой ответственностью²⁰.

Нормы диффамационного права ряда стран названной правовой семьи характеризуются повышенным уровнем ответственности по защите репутации публичных лиц, в том числе с применением уголовно-правовой. В частности, немецкий законодатель наряду с общим составом преступлений (клевета и др.) предусматривает отдельные виды ответственности в целях защиты отдельных категорий граждан. Существуют отдельные составы преступлений, такие как клевета и злословие в отношении политического деятеля, а также пропаганда, направленная против бундесвера (вооруженные силы ФРГ), что подчеркивает публичность защиты этой категории лиц²¹.

Следует отметить, что указанные составы преступлений не являются новшеством в рамках стран континентальной правовой системы, это классический инструмент государства, что отражает общие признаки правовой системы.

Существование подходов, предусматривающих ужесточение ответственности за вред репутации публичных лиц, в науке считается обоснованным, так как это затрагивает систему государственного аппарата, от должностных лиц которого зависит успешное функционирование государства и обеспечение безопасности общества и граждан²².

Вместе с тем необходимо устанавливать границы дозволенной критики и дискуссии в отношении публичных лиц, ведь в таком же виде для ряда стран характерно нарушение основополагающих прав граждан, прежде всего на свободу слова и выражение собственного мнения. В процессе правового регулирования важно находить золотую середину между двумя взаимосвязанными истинами с целью справедливого соблюдения защиты репутации публичных лиц и свободы слова.

Тем не менее в странах, придерживающихся такого подхода, встречаются противоречивые случаи, по которым суды выносили неоднозначные решения. Одним из таких случаев является дело принцессы Монакской и Ганноверской Каролины: фотографии ее отдыха были распространены в немецких СМИ без ее согласия²³. Несомненно, Каролина позже подала иск о нарушении права на неприкосновенность частной и семейной жизни. Однако Верховный суд ФРГ постановил, что в данном случае интересы общественности перевешивают ее право на неприкосновенность частной жизни, поскольку она является публичным лицом. В мотивировочной части решения суд обратил внимание на два факта: во-первых, что такие лица, как принцесса, вызывают высокий и правомерный интерес общественности, привлекая тем, каким образом подобные категории граждан осуществляют свои представительские функции; во-вторых, право публикации соответствующих материалов в газетах, журналах и иных СМИ является защищенным немецким законодательством правом на свободу печати. Изучая названное дело, можно обратить внимание, что немецкие суды в данном случае избирают совсем иную стратегию, не характер-

²⁰ Bürgerliches Gesetzbuch. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 05.09.2024).

²¹ Касьянчик С. С. Деловая репутация должностного лица государственного органа как объект административно-правовой защиты // Экономические и юридические науки. Вестник Полоцкого государственного университета. 2014. № 5. С. 115–121.

²² Указ. соч. С. 118.

²³ Постановление ЕСПЧ «Фон Ганновер (Von Hannover) против Германии», № 59320/00 (2004). URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2022/02/Von-Hannover-v.-Germany-No.-2-RU.pdf> (дата обращения: 05.09.2024).

ную для германской правовой системы, имплементируя элементы «вседозволенности права». Пройдя все внутренние инстанции, в том числе через Федеральный Конституционный суд Германии (далее — ФКС Германии), Каролина фон Ганновер обратилась в Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) с иском о нарушении ст. 8 ЕСПЧ (право на уважение частной и семейной жизни), который принял положительное решение в пользу принцессы, посчитав, что немецкие суды нарушили пределы свободы слова и право на свободу печати, так как их деятельность в корне противоречит основополагающим положениям ст. 8. Результатом подобного противоречия стало нахождение равновесия между позициями судов ФКС Германии и ЕСПЧ в части учета мнения и толкования ЕСПЧ при рассмотрении подобной категории дел в будущем, что стало основанием в 2013 г. для отказа повторного рассмотрения иска судом.

Вышеупомянутое дело раскрывает нам несколько нюансов, которые не были учтены ни ЕСПЧ, ни судами Германии.

Во-первых, принцессе, безусловно, необходимо было подавать иск не только для защиты права на неприкосновенность частной жизни, но и для сохранения особой репутации как представительницы княжеского титула (поскольку она — родная сестра правящего князя Монако). Именно поэтому немецкий суд первой инстанции использовал ее титул в качестве главного аргумента своего решения о том, что появление такой фигуры вызывает повышенный общественный интерес. Представляется, что подача иска в таком виде соответствовала бы аргументу ЕСПЧ о нарушении ст. 8 Европейской конвенции о правах человека, так как это доказывало бы недопустимость вмешательства органов публичной власти в частную и семейную жизнь.

Во-вторых, ФКС Германии и ЕСПЧ необходимо было рассмотреть нарушение прав на уважение частной и семейной жизни не только с точки зрения нарушения прав, закрепленных в ст. 8, что каждый имеет право на уважение личной жизни, но и через призму соотношения свободы выражения мнения и защиты репутации или прав других лиц, которые закреплены в ст. 10 Европейской конвенции о правах человека. Согласно данной статье каждому физическому или юридическому лицу действительно гарантируется право на свободу выражения мнения, однако до момента применения ограничения в целях защиты репутации. Немецкое законодательство, как и законодательство большинства стран Европы и стран континентальной системы, предусматривает ограничения и условия осуществления права на свободу выражения мнения только в целях национальной безопасности, обеспечения территориальной целостности государства или общественного порядка, упуская допущение подобных ограничений в целях защиты репутации. Вместе с тем публичное ограничение прав такой категории граждан, которые помимо публичности имеют также монархическое происхождение, может наносить вред не только репутации лица и его семейства, но и государства, правителями которого они являются, а значит, ее гражданам, имиджу страны на международной арене и дипломатическим отношениям, что уже выходит за рамки обычного понимания регулирования общественных отношений в сфере репутации одного лица.

Таким образом, вышеназванное дело в очередной раз показывает неоднородность законодательства в области защиты репутации публичных лиц стран континентальной системы, когда возможно прибегнуть к абсолютно иному толкованию и пониманию репутации.

Доказательством этого является решение Национального Собрания Франции о декриминализации статьи уголовного кодекса об оскорблении президента, действовавшей с 1881 г. Причиной отмены этого закона стало решение ЕСПЧ по делу фермера Эрве Эона, наказанного за «неблагопристойное высказывание» в адрес президента Николя Саркози. Суд обратил внимание, что оскорбление было заимствовано Эоном у самого президента, оскорбившего так одного из жителей республики. Кроме того, суд также отметил, что подобные заявления носят политический характер, к которым, как известно, публичные лица должны относиться терпимо.

Особый интерес представляет китайский опыт правового регулирования общественных отношений в сфере репутации публичных лиц, складывавшийся на протяжении тысячелетий и реформировавшийся в различные исторические периоды развития государства и права Китая. Центральным институтом является цензура, как метод, пронизывающий все сферы общественной жизни в целях нераспространения идей или политики, признаваемых китайским правом деструктивными. В условиях развития информаци-

онных технологий вопросы защиты репутации должностных лиц, а также руководящих коммунистических органов побуждают принимать новые меры.

Китайское законодательство допускает существование так называемого права на цензуру, которое принадлежит высшим органам власти (в соответствии со ст. 57 Конституции высшим органом государственной власти провозглашается Всекитайское собрание народных представителей) в целях защиты репутации политических основ, традиционного уклада общества и идеи китайского социализма²⁴. В этом смысле предмет публичной репутации по китайскому праву несколько шире, чем в классическом европейском понимании. В Китае политика цензурирования всегда играла важную роль, однако до образования Китайской Народной Республики право на цензуру затрагивало лишь высшую власть императоров и династий. Культурная революция 60–70-х гг. прошлого века изменила многолетнюю практику, результатом чего стала защита репутации не только руководителя страны, но и культурно-исторической идеи всего китайского народа. В этих целях была принята программа «Золотой щит» («Великий Китайский файрвол»), которая является одним из 12 крупных направлений Китая в сфере электронного правительства, основные задачи которой заключаются в ограничении вредоносных иностранных сайтов, фильтрации публикуемого контента в интернете, предъявлении строгих требований к зарубежным СМИ.

Современные технологии и социальные медиа оказывают значительное влияние на репутацию публичных лиц, перераспределяя традиционные механизмы формирования общественного мнения и создавая новые вызовы для регулирования информационного пространства. С одной стороны, цифровые платформы предоставляют публичным личностям мощные инструменты для самопрезентации, прямой коммуникации с аудиторией и построения персонального бренда; с другой — мгновенность распространения информации, отсутствие должной модерации контента и анонимность пользователей создают условия для репутационных рисков, таких как клевета, фальсификация, хейт-атаки, манипуляции общественным мнением и культура отмены (cancel culture).

Для достижения равновесия между необходимостью защиты репутации публичных лиц и сохранением свободы выражения мнений требуется внедрение законодательных инициатив, направленных на регулирование информационного поля. Такие законодательные меры должны учитывать сложную природу социальных медиа, где грань между фактической информацией и мнением может быть размыта, а темпы распространения контента делают традиционные юридические механизмы менее эффективными.

Важные аспекты законодательной инициативы по защите репутации публичных лиц в условиях современных технологий должны включать:

- Введение мер для предотвращения намеренного искажения фактов и распространения ложных сведений, которые могут нанести ущерб репутации публичных лиц. Законодательные нормы должны четко отличать клевету от негативного, но законного мнения.
- Установление обязательства социальных платформ оперативно реагировать на запросы о блокировке заведомо ложного или порочащего контента, при этом процедуру блокировки необходимо сопровождать тщательной проверкой заявлений, чтобы избежать злоупотреблений.
- Требование раскрытия принципов работы социальных медиа, определяющих видимость и распространение контента. Это позволит противодействовать ненамеренной дезинформации, в том числе той, что подлежит усилению через алгоритмические рекомендации.
- Разработку норм, регулирующих допустимые формы выражения мнения в интернете, включая запрет на оскорбления и агрессивные преследования публичных лиц. При этом важно учитывать границу между необходимостью защиты личности и свободой слова.
- Введение программ для повышения медиаграмотности граждан с целью улучшения их способности отличать достоверную информацию от манипулятивной, а также воспитания культуры общения в интернете. Это будет способствовать ослаблению общественного запроса на негативный контент.
- Разработку упрощенных процедур для подачи исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, в условиях необходимости оперативного реагирования на репутационные риски.

²⁴ Илюк П. А. Правовое регулирование института цензуры в Китае (от идей Шан Яна до Золотого Щита). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2024).

Таким образом, законодательные меры, направленные на защиту репутации публичных лиц в эру социальных медиа, должны быть сбалансированными, чтобы, с одной стороны, создать эффективные правовые механизмы для защиты личности от несправедливых репутационных атак, а с другой — не создать инструменты для цензуры или подавления свободы выражения мнений. Решение данного вопроса должно идти в связке с активной просветительской деятельностью и технологическим развитием, направленным на прозрачность и ответственность всех участников информационного процесса.

Репутация публичного лица в китайском контексте включает не только защиту должностных лиц и общественных деятелей, но и сохранение памяти о героях и мучениках революции. В этих целях в 2015 г. были приняты поправки в Основные положения гражданского права (после принятия гражданского Кодекса в 2020 г. нормы вошли в ГК КНР) и иные акты, разъясняющие, что нанесение вреда имени или репутации героев революции противоречит общественным интересам, за нарушение которых предусмотрена ответственность²⁵. Необходимость принятия таких мер обусловлена растущим историческим нигилизмом в Китае, отвергающим все достижения и победы идей марксизма, ленинизма и маосизма, с которым коммунистическая партия намерена решительно бороться. В своих выступлениях Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно говорил о необходимости сохранения партийной истории и защите ее репутации от внутренней и внешней критики, приводя в пример СССР, как государство, распавшееся в результате забвения собственной истории, героев и побед²⁶.

Безусловно, китайский опыт является сочетанием социалистических начал и классической традиционной мысли о нерушимости авторитета и репутации власти, истории и китайской нации, которая на протяжении тысячи лет достаточно успешно функционирует, при этом гибко и успешно подстраиваясь под современные тренды.

Выводы

Зарубежный опыт правового регулирования репутации публичных лиц демонстрирует вариативность, которая сохраняется независимо от принадлежности страны к той или иной правовой семье. Анализ этого опыта позволяет выявить как общие, так и отличительные черты в подходах разных государств. К общим признакам относятся признание репутации публичных лиц как первичного права должностных лиц, общественно-политических деятелей и иных лиц, а также необходимость законодательного регулирования в области защиты чести и достоинства, поиск баланса между правом на свободу слова и защитой репутации публичных лиц.

К отличительным признакам относятся степень защиты репутации в разных правовых системах и наличие или отсутствие тотального вмешательства органов публичной власти в различные государственные и общественные процессы. Так, в США и Англии защита репутации более ориентирована на индивидуальные права, тогда как в Китае акцент делается на общественные интересы и контроль, где законодательство о репутации публичных лиц находится под влиянием общей линии коммунистической партии.

Проведенный анализ позволяет дать следующую авторскую оценку рассмотренных правовых моделей:

- подход США способствует защите свободы слова, но может затруднить защиту репутации;
- законодательство Великобритании требует, чтобы ответчик доказывал правдивость своих высказываний, что облегчает задачу защиты чести и достоинства для истца;
- подход Китая обеспечивает стабильность, но ограничивает свободу выражения и общественный контроль за властями.

Если рассматривать возможность перенесения данных особенностей в отечественное законодательство, то нужно учитывать несколько моментов:

- степень защиты репутации необходимо адаптировать с учетом культурных и социальных ценностей страны;

²⁵ Трощинский П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая. URL: https://www.iccaras.ru/files/abook_file/1.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

²⁶ В Китае запретят оскорблять героев революции. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-39252412> (дата обращения: 05.09.2024).

- баланс между свободой слова и защитой репутации должен учитывать как права индивидов, так и общественные интересы;
- практика, ориентированная на заслушивание сторон и проверку истины, может быть полезна, но важно избегать чрезмерного ограничения свобод.

Анализ зарубежного опыта правового регулирования репутации публичных лиц выявляет множество эффективных подходов, каждый из которых ценен в своем контексте. Их изучение и возможная адаптация могут способствовать развитию отечественного законодательства, что позволит создать более справедливую и сбалансированную систему защиты прав.

Список источников

1. *Абакумова Е. Б.* Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации / А. Б. Абакумова, А. В. Комиссаров, Д. Ю. Тарасов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 148–154. DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154
2. *Беляцкий С. А.* Частное право в основных принципах: (Курс гражданского права) / Каунас: 1928. 900 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009011919>.
3. *Баганова Ф. К.* Развитие законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации на примере Великобритании // Вестник науки. 2023. № 3 (60). С. 137–144.
4. *Илюк П. А.* Правовое регулирование института цензуры в Китае (от идей Шан Яна до Золотого Щита). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2024).
5. *Касьянчик С. С.* Деловая репутация должностного лица государственного органа как объект административно-правовой защиты // Экономические и юридические науки. Вестник Полоцкого государственного университета. 2014. № 5. С. 115–121.
6. *Тарасевич К. А.* История эволюции понятия «деловая репутация» // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 95–100.
7. *Трощинский П. В.* Кодификация гражданского законодательства Китая. URL: https://www.iccaras.ru/files/abook_file/1.pdf
8. *Пачоли Л.* Трактат XI о счетах и записях // Страницы венецианского издания книги Лука Пачоли, 1494 г.
9. *Перова Н. А.* Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4 (19). С. 261–267. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-4-19-261-267>.
10. *Холоденко Ю.* Защита чести, достоинства и деловой репутации по американскому праву / Ю. Холоденко, М. Е. Маргольц // Юрислингвистика. 2016. № 5 (16). С. 72–79. DOI: 10.14258/leglin(2016)507.

Об авторе:

Шабанов Магомедрасул Хабилович, аспирант департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); e-mail: mkhshabanov@hse.ru

References

1. Abakumova, E., Komissarov, A., Tarasov, D. (2021) Foreign experience of legal support for the protection of honor, dignity and business reputation // *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 5 (2). Pp. 148–154. DOI:10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154. (In Russ.)
2. Belyatskin, S. (1928) Private law in basic principles: (Course of civil law) // *Kaunas*. 900 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009011919>.

3. Baganova, F. (2023) Development of legislation on the protection of honor, dignity and business reputation on the example of Great Britain // *International scientific journal "Bulletin of Science"*. No. 3 (60). Pp. 137–144. (In Russ.)
4. Ilyuk, P. Legal regulation of the censorship institution in China (from the ideas of Shang Yang to the Golden Shield). file:///C:/Users/User/Downloads/illyuk_p_a.pdf
5. Kasyanchik, S. (2014) Business reputation of an official of a government body as an object of administrative and legal protection // *Economic and legal sciences. Bulletin of Polotsk State University*. No. 5. Pp. 115–121. (In Russ.)
6. Tarasevich, K. (2019) History of the evolution of the concept of "business reputation" // *Leningrad Law Journal*. No. 1 (55). Pp. 95–100. (In Russ.)
7. Troshchinsky P. V. Codification of Chinese civil legislation. https://www.iccaras.ru/files/abook_file/1.pdf.
8. Pacioli, L. Treatise XI on Accounts and Records // Pages of the Venetian edition of the book by Luca Pacioli, 1494.
9. Perova, N. (2011) Restrictions on Freedom of Speech and Protection of the Right to Dignity and Reputation in the Judicial Practice of Great Britain and the USA // *Bulletin of MGIMO-University*. No. 4 (19). Pp. 261–267. DOI:10.24833/2071-8160-2011-4-19-261-267. (In Russ.)
10. Kholodnenko, Yu., Margolf, M. (2016) Protection of honor, dignity and business reputation under American law // *Jurislinguistics*. No. 5 (16). Pp. 72–79. DOI:10.14258/leglin(2016)507 (In Russ.)

About the author:

Magomedrasul Kh. Shabanov, graduate student of the Department of Public Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); e-mail: mkhshabanov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.